DOI: 10.17976/jpps/2023.03.09
EDN: KUZGDR

"РАЗДЕЛЬНОЕ ГОЛОСОВАНИЕ" НА ФЕДЕРАЛЬНЫХ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРАХ В РОССИИ
(на примере Государственной Думы VII созыва)

Ю.О. Гайворонский

ГАЙВОРОНСКИЙ Юрий Олегович, кандидат политических наук, доцент департамента политики и управления, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", Москва, email: guyvoronskiy@hse.ru

Гайворонский Ю.О. 2023. "Раздельное голосование" на федеральных парламентских выборах в России (на примере Государственной Думы VII созыва). *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 114-131. https://doi.org/10.17976/jpps/2023.03.09. EDN: KUZGDR

Статья поступила в редакцию: 27.05.2021. Принята к публикации: 26.12.2021

Аннотация. Статья посвящена изучению "раздельного голосования" на выборах в Государственную Думу РФ VII созыва. После возвращения смешанной избирательной системы стало очевидно, что опцией поддержки одной партии и кандидата от другой воспользовалась значительная доля электората, в противовес распространенному мнению, согласно которому в институционализированных партийных системах доля "раздельно" голосующих должна быть относительно невысокой. Для объяснения отмеченных электоральных результатов автор протестировал гипотезы о стратегическом и персонифицированном (искреннем) голосовании. На российском примере апробировано статистическое моделирование уровня партийной приверженности, снижение которого ведет к увеличению вероятности "раздельного голосования". Подход разработан С. Томсеном и реализован в спецификации, предложенной В. Парка. Результаты такого моделирования в целом показывают, что образованные после реформы 2012 г. политические партии еще не сформировали собственный "ядерный электорат". В свою очередь, партии парламентской оппозиции (а также "Яблоко") демонстрируют средние показатели по уровню приверженности своих избирателей. И только о "Единой России" возможно рассуждать как о партии, электорат которой преимущественно не склонен голосовать за других кандидатов, однако при этом избиратели "партии власти" составляют значительную часть голосующих "раздельно". Анализ показал, что раздельное голосование в одномандатных округах обусловлено не столько стратегическими соображениями, сколько персональными характеристиками кандидатов, т.е. мотивами, отражающими в том числе и рациональные (пусть не стратегические) предпочтения, связанные с потенциально более высокой эффективностью политического представительства. Среди подобных личных качеств наиболее значимым становится политический опыт в его профессиональном (работа депутатом в течение длительного времени) и электоральном (участие в мажоритарных выборах в рамках соответствующей территории) измерениях.

Ключевые слова: раздельное голосование, смешанная избирательная система, Государственная Дума, политические партии, выборы.

ВВЕДЕНИЕ

Возвращение смешанной избирательной системы на федеральных парламентских выборах в России в 2016 г. примечательно не только с точки зрения изменения стимулов и стратегии электоральной борьбы для политических

партий, но и с точки зрения стратегий избирателя, принимающего решение о поддержке политических сил в рамках пропорциональной и мажоритарной части. Одной из таких стратегий является возможность использовать опцию "раздельного голосования" (*split-ticket voting*)[1]. В рамках смешанной избирательной системы избиратель проголосовал раздельно, если голос отдан за список партии *А*, но в то же время и за кандидата от партии *Б*. При этом в научной литературе объяснения причин подобного решения ранжируются от концепции "стратегического голосования", в рамках которой избиратель манифестирует себя как предельно рационального индивида, избегающего траты своего голоса впустую [Duverger 1954], до банальной неправильной трактовки им сути смешанной электоральной системы [Bawn 1999].

Итоги выборов в Государственную Думу VII созыва (2016 г.) показали, что раздельное голосование достаточно распространено среди российских избирателей. Так, кандидаты от "Единой России" в одномандатных округах совокупно получили на 3,36 млн голосов меньше, чем партия по списку. И если в данном случае такую разницу возможно объяснить тем, что выдвижение кандидатов не происходило в ряде округов, которые "партия власти" уступила ЛДПР и "Справедливой России", тем не менее в этих же округах "Единая Россия" получила совокупно 1,97 млн голосов, поэтому как минимум 1,39 млн ее избирателей в любом случае проголосовали раздельно. Аналогичная картина наблюдается и при рассмотрении результатов других ведущих партий, которые при этом пользовались правом выдвижения кандидатов практически повсеместно: КПРФ по округам получила на 0,54 млн голосов (7,5% ее "спискочного" электората) меньше, чем по списку; ЛДПР – на 1,85 млн (26,8%); а "Справедливая Россия", наоборот, в мажоритарной части получила больше на 1,74 млн голосов (53,2%).

Если с точки зрения масштабов поддержки "партии власти" указанные различия, на первый взгляд, следует признать незначительными, то в отношении прочих партий они приобретают крайне важное значение. К тому же общие данные представляют собой своеобразную вершину айсберга, так как тайное голосование не позволяет невооруженным взглядом оценить, сколько именно избирателей проголосовало раздельно. Выше мы обозначили минимальные значения, указывающие на потенциально более широкий масштаб проявления изучаемого феномена. В данном случае становится вполне очевидна значительная степень волатильности электорального поведения российских избирателей в рамках смешанной избирательной системы. Стало ли это следствием широко обсуждаемого в научной литературе "стратегического голосования"? Если нет, то какие другие факторы могут рассматриваться в качестве значимых? Данное исследование посвящено поискам ответов на поставленные вопросы.

Раздельное голосование: теория и российский случай

Раздельное голосование представляет собой достаточно разработанное в литературе проблемное поле, сфокусированное, как правило, на поисках оснований стратегического голосования, которое можно определить как выражение предпочтения партии или кандидату, увеличивающее выгоду избира-

[1] Далее термин употребляется без использования кавычек. В ряде случаев в стилистических целях (во избежание частых повторов) будет использоваться синоним – "перетоки" электората [Туровский 2018].

теля в рамках заданного набора альтернатив, т.е. "выбор альтернативы *A* даже если избиратель предпочитает B, чтобы избежать худшего сценария *C*" [ibid.: 488]. При этом важно учитывать главные параметры, способные влиять на принятие избирателем решения о стратегическом голосовании: способность к ранжированию кандидатов и неопределенность электорального исхода [Cox 1997]. В первом случае, если все, кроме первого предпочтения, равноценны (а точнее сказать, безразличны), или даже если голосующему сложно выбрать между вторым и третьим предпочтениями, то вероятность раздельного голосования (в одномандатном округе) невелика [Moser, Scheiner 2009]. Во втором случае чем выше уровень неопределенности относительно будущего победителя, тем выше шанс, что лидирующие кандидаты будут притягивать к себе электорат других партий [Bawn 1999]. В то же время эта неопределенность должна соотноситься с величиной округа. Если в одномандатном округе конкурируют, например, четыре сильных кандидата, имеющих приблизительно равные шансы на победу, от стратегически мыслящего избирателя следует ожидать решения отказаться от раздельного голосования. Для формализации подобной закономерности Г. Кокс предлагает формулу $M + 1$, где M – величина округа. В одномандатном округе серьезным стимулом к стратегическому голосованию станет конкуренция именно двух ведущих кандидатов. Этот частный случай также называют "эквилибриумом Дюверже", и в целом стратегическое голосование в рассматриваемой традиции понимается как одна из причин формирования двухпартийных систем, когда избиратели в одномандатных округах стремятся не тратить свои голоса впустую, голосуя за бесперспективных кандидатов[2]. Наличие же доминантного игрока должно снижать подобные стимулы, так как шанс избирателя изменить расклад за счет поддержки даже второго по силе конкурента невелик. Это следует учитывать в дальнейшем при рассмотрении российского случая.

Исследователи электорального поведения консолидированы относительно того, что стратегическое голосование возможно идентифицировать далеко не во всех демократических странах [Shugart, Wattenberg 2001; Bochsler 2015]. Наиболее убедительные результаты в рамках смешанных связанных (*linked*) избирательных систем получены в отношении федеральных выборов в Германии [Jesse 1988; Bawn 1999; Schoen 1999; Gschwend, Johnston, Pattie 2003; Hermann, Pappi 2008], а также Новой Зеландии, однако даже во втором случае более значим эффект контаминации – взаимовлияния пропорциональной и мажоритарной частей избирательной системы [Karp et al. 2002; Karp 2009]. Так, в ФРГ стратегическое голосование проявляется в увеличении интенсивности "перетоков" электората к кандидатам от ХДС/ХСС и СДПГ со стороны избирателей потенциальных партнеров по коалиции ("Зеленые", "Свободная демократическая партия"). В данном случае важную роль играют предварительные внутриэлитные договоренности и их публичная огласка. Становится очевидно, что стратегического голосование – результат действий не только избирателей, но и политической элиты, решающей проблему стратегической координации [Cox 1997].

В новых демократиях склонность граждан к стратегическому расчету и прогнозированию заметно ниже: в период формирования и трансформации

[2] Дискуссию по данному вопросу см. [Grofman, Blais, Bowler 2009; Singer 2012].

электоральной системы одни партии могут возникать и исчезать от выборов к выборам, что ориентирует избирателя на голосование – в первую очередь за кандидатов, чье присутствие в политике отличается бóльшим постоянством. Это продуцирует более высокие доли раздельного голосования в сравнении с высокоинституционализированными партийными системами консолидированных демократий. Однако данный факт далеко не всегда означает, что избиратели голосуют стратегически: возможно искренне голосовать за одну партию и так же искренне – за кандидата от другой (или самовыдвиженца) в силу его персональных качеств: медийности, компетентности, способности к лоббизму интересов жителей округа и пр. [Moser, Sheiner 2005]. В таком случае консолидация электората вокруг наиболее перспективного кандидата (т.е. в противовес принципу неопределенности) как раз отражает ситуацию персонифицированного раздельного голосования.

Политическая элита в стремлении структурировать пространство возможностей как для участников избирательной гонки, так и для самих избирателей посредством формирования "меню кандидатов" тоже способна формировать источники раздельного голосования [Burden 2009]. В частности, если представлены сильные кандидаты от основных партий, это может способствовать раздельному голосованию, исходящему из идеологических или программных позиций ("балансировка" политического курса). В случае наличия "скудного меню" кандидатов, когда часть партий просто не номинирует участников или они получают отказ в регистрации, избиратель, лишенный возможности проголосовать в соответствии со своим первым предпочтением, скорее поддержит наиболее перспективного кандидата ("вынужденное" раздельное голосование). Третий сценарий касается ситуации, когда участвуют все партии, но выставляемые ими кандидаты не равны по силе. Как правило, имеется один хорошо узнаваемый участник, за которого и голосуют избиратели (персонифицированное раздельное голосование). Например, результаты, полученные по итогам исследования выборов в Японии, показали, что наличие демократического режима не обязательно является фактором формирования стратегических оснований раздельного голосования, так как на первый план выходит отсутствие кандидатов от небольших партий. Это не желание избежать худшую альтернативу из предлагаемого списка кандидатов, а стремление к электоральному участию [ibidem].

В современных электоральных системах стратегическое голосование остается достаточно локализованным явлением, и российский случай во многом соответствует этой тенденции. Согласно расчетам А. Макаллистера и С. Уайта, на выборах в Государственную Думу 1995 г. (II созыв) почти каждый четвертый избиратель голосовал раздельно [McAllister, White 2000]. Главной причиной подобного электорального поведения авторы назвали еще не сформированную партийную приверженность (*partisanship*) в рамках становления новой политической системы, а отнюдь не стратегические мотивы.

Анализ выборов в III созыв нижней палаты федерального парламента также не выявил признаков, характерных для стратегического голосования. Отмечается, что для новых демократий (к таковым авторы причисляют Россию в 1999 г.) в рамках смешанных избирательных систем нехарактерна структура конкуренции, когда два кандидата консолидируют вокруг себя бóльшую часть электората, даже при условии, что в рамках "списочной части" наблюдается

конкуренция нескольких партий. И по спискам, и по округам наблюдалась высокая фрагментация результатов [Moser, Scheiner 2009].

Роберт Мозер и Этан Шейнер считают, что в период, предшествовавший электоральной реформе, связанной с переходом к пропорциональной системе после выборов 2003 г., российский случай соответствовал принципам искреннего персонифицированного раздельного голосования. Во-первых, на основе статистического анализа установлено, что инкумбенты продемонстрировали способность консолидировать раздельные голоса. Во-вторых, связь между отрывом победителя от кандидата, занявшего второе место, и долей раздельных голосов оказалась положительной, что свидетельствует не в пользу стратегического голосования [Moser, Scheiner 2005].

Таким образом, имеющиеся в научной литературе представления о закономерностях раздельного голосования сосредоточены преимущественно на изучении демократий, прошедших фазу консолидации или еще находящихся на пути к ней. Демократизация, а также институционализация партийной системы рассматриваются как взаимосвязанные переменные, а электоральное поведение россиян во второй половине 1990-х и начале 2000-х годов изучалось именно сквозь такую призму. Очевидно, что отечественные партийная и политическая системы с тех пор прошли несколько иной путь, где вместо демократической консолидации "снизу" имели место политическая централизация и укрепление системных партий. Изучение раздельного голосования на примере российского случая поможет глубже понять закономерности электорального поведения за пределами либеральных демократий, но в условиях высокоинституционализированной партийной системы.

Имеющийся теоретический багаж позволяет сформулировать две гипотезы для последующей эмпирической проверки.

Гипотеза 1: раздельное голосование на выборах в Государственную Думу VII созыва стало результатом систематического проявления "стратегического голосования".

Гипотеза 2: в рамках раздельного голосования на выборах в Государственную Думу VII созыва значимую роль сыграли персональные качества кандидатов, баллотировавшихся по одномандатным округам (искреннее персонифицированное раздельное голосование).

На предварительном этапе, исходя из имеющегося обзора литературы, а также общих результатов рассматриваемых выборов, представляется, что вторая гипотеза имеет больше шансов на подтверждение. На выборах в Государственную Думу VII созыва кандидаты от федеральных парламентских партий (за исключением "Справедливой России") выступили в основном хуже своих партий. Если бы это стало результатом "стратегического голосования", то уровень фрагментации поддержки по округам должен был оказаться ниже, чем по спискам. Однако замеры по индексу Лааксо и Таагеперы показывают, что эффективное число кандидатов в мажоритарной части оказалось на 0,74 пункта выше, чем аналогичный показатель по спискам [Turovsky 2018: 605]. С другой стороны, в пользу второй гипотезы говорит то, что наиболее значительный "недобор" по голосам за кандидатов получила ЛДПР, испытывающая дефицит ярких лидеров в регионах [ibidem]. Кандидаты от "партии власти" также набрали меньше голосов в сравнении со списком, но за вычетом тех округов, которые были уступлены системной оппозиции, масштабы

проблемы (в пересчете на проценты от электората партии) не представляются настолько серьезными. Партия стремилась значительно обновить пул кандидатов, привлекая ярких политиков и медийных персон, пусть и не всегда обладающих серьезным политическим опытом.

Измерение раздельного голосования

Перед тем как перейти к описанию дизайна эмпирического исследования и тестированию гипотез, выберем метод оценки раздельного голосования. В арсенале исследователей имеется широкий спектр как статистических техник, так и социологических методов, каждая из которых обладает своими достоинствами и недостатками. Опросные исследования позволяют с высокой точностью оценивать долю электората, принявшего решение о раздельном голосовании, а также выявить его ключевые мотивы. Кроме того, исследователь сам формирует дизайн опроса под свои задачи, что позволяет настроить инструментарий более тонко с точки зрения замысла работы. В то же время проведение массового опроса связано с высокими затратами и временны́ми ограничениями: важен момент проведения опроса, так как избиратели достаточно забывчивы. По истечении года и более погрешность в изменениях значительно растет.

Именно в силу указанных причин нами сделан выбор в пользу статистической оценки. Ключевой дискуссионный момент здесь связан с проблемой работы с агрегированными данными, когда исследователь вынужден выводить эмпирические закономерности из официальной статистики: результатов голосования по стране, регионам, избирательным округам и так далее вплоть до избирательных участков, но никак не голосования отдельных граждан (*ecological inference*). Агрегированные данные при этом не всегда отражают общие закономерности электорального поведения, нивелируя или “зашумляя” их. В то же время решению указанной проблемы уделяется все больше внимания в исследованиях социальных процессов [Goodman 1959; Thomsen 1987; King, Rosen, Tanner 2004; Park, Hanmer, Biggers 2014].

Для оценки доли раздельного голосования на основе агрегированных данных мы будем использовать пробит-спецификацию подхода С. Томсена, предложенную в работе В. Парка [Park 2008]. Описание метода возможно начать с вопроса о том, с какой вероятностью случайно взятый избиратель проголосовал и за партию *A*, и за кандидата, баллотирующегося в округе от этой же партии. Для точного ответа недостаточно только лишь общих результатов голосования, так как агрегированные данные могут таить в себе смещенную выборку, например, в тех случаях, когда люди со схожими характеристиками проживают по соседству [ibid.: 6]. Чтобы улучшить прогноз, методика предлагает учитывать также силу связи между голосованием за партию и за ее кандидата плюс закон распределения вероятностей их поддержки.

В связи с указанными особенностями анализа статистических данных метод Томсена базируется на допущении, что для всех голосующих характерна общая латентная переменная – “партийная приверженность” (*partisanship*), которая имеет одинаковую функцию распределения для всех избирателей рассматриваемой генеральной совокупности. Это практически неправдоподобно в случае сравнения регионов как единиц анализа (т.е. генеральная совокупность – страна в целом), однако вполне допустимо при анализе результатов по избирательным участкам (как в нашем случае) в рамках отдельного региона

или избирательного округа. Чем ниже уровень генерализации, тем меньше ошибки измерения партийной приверженности, так как гомогенность изучаемой выборки выше.

Рассматриваемый метод позволяет преодолеть проблему нелинейности [Goodman 1959]. Изначально Томсен предложил логит-преобразование данных [Thomsen 1987], но в литературе также нашла применение и пробит-спецификация, базирующаяся на функции плотности нормального распределения [Park 2008]. Валидность метода была протестирована на материале различных стран, в том числе находящихся в доступе исследователей бюллетеней президентских и парламентских выборов 2000 г. в США в рамках известного казуса пересчета голосов в штате Флорида – *"2000 Florida Ballots Project"* [Park, Hanmer, Biggers 2014]. Результаты теста показали, что метод дает более точные оценки даже в сравнении с широко применяющимся методом Кинга, базирующимся на оценках максимального правдоподобия [King, Rosen, Tanner 2004], и весьма близки тому, как в действительности голосовали избиратели.

С полной математической нотацией пробит-спецификации метода Томсена можно ознакомиться в исследовании Вонхо Парка [Park 2008: 32-34], а в нашей работе, следуя автору подхода, изложим предложенные им ключевые принципы и формулы.

Допустим, что d_i^* отражает партийную приверженность индивида, от которой зависит вероятность голосования за партию и ее кандидата в рамках смешанной избирательной системы на выборах в момент t (d_{ti}). В последнем случае задача сводится к поиску распределения латентной переменной с помощью линейной формы [ibidem]:

$$P(d_{ti} = 1) = \Phi(\alpha_t + \beta_t d_i^* + e_{ti}) \quad (1),$$

где $\Phi(\bullet)$ – кумулятивная функция нормального распределения; α_t, β_t, e_{ti} – параметры линейной функции (константа, угловой коэффициент и ошибка соответственно).

Однако оценить уровень партийной приверженности в рамках пробит-модели (Φ^{-1}) на этом этапе не представляется возможным, так как данные доступны только в агрегированном виде, например значения по избирательным округам D_{tj}. Поэтому метод Томсена также допускает, что распределение в рамках избирательного округа подчиняется закону нормального распределения со средним значением D_j^*, а также имеет постоянную дисперсию σ^2. Это позволяет найти средние значения уравнения, обозначенного выше [ibidem]:

$$E(d_{tij}) = D_{ti} = \int_{-\infty}^{\infty} \Phi(\alpha_t + \beta_t d_{ij}^* + e_{tij}) \phi(d_{ij}^* \mid D_j^*, \sigma^2) \partial d_{ij}^* \quad (2).$$

Взятие интеграла приведет нас к следующей формуле, в рамках которой уже возможна оценка параметров пробит-модели для D_j^* [ibidem]:

$$E(d_{tij}) = D_{tj} = \Phi\left(\frac{\alpha_t + \beta_t D_j^*}{\sqrt{1 + \beta_t^2 \sigma^2}}\right) \quad (3).$$

Теперь, имея два пробит-преобразованных набора нормально распределенных и линейно связанных данных о голосовании в округе по спискам и за кандидатов (в случае выборов в Государственную Думу – в разрезе участковых избирательных комиссий), можно рассчитать корреляцию между ними,

а затем вычислить вероятность наступления двух зависимых событий (p_{DD}), взяв двойной интеграл [ibidem]:

$$p_{DD} = \int_0^{\infty} \int_0^{\infty} \phi(\mu_1, \mu_2; r) dx_2 dx_1 \quad (4),$$

где μ_1 и μ_2 – пробит-преобразованные доли голосов, отданные за партию и ее кандидата в избирательном округе; r – коэффициент корреляции между ними.

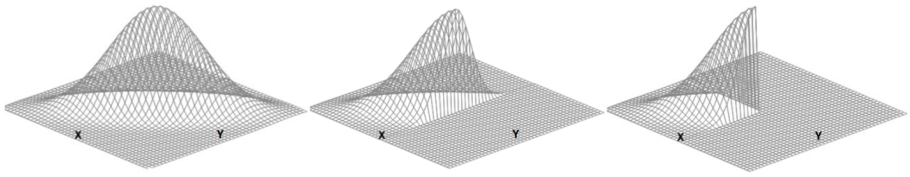
Для расчета уровня партийной приверженности полученную оценку необходимо разделить на долю голосов соответствующей партии.

Наглядно рассмотренные процедуры возможно изобразить с помощью графиков двумерного нормального распределения пробит-преобразованных данных. Допустим, что партия *А* получила 50% голосов по спискам в округе *n*, в то время как кандидату в рассматриваемом одномандатном округе также удалось заручиться поддержкой ровно половины избирателей. При этом корреляция результатов в разрезе участковых избирательных комиссий оказалась равной 0,8. На рис. 1 (*слева*) видно, что в такой ситуации фигура становится более "плоской" и вытянутой вдоль диагонали в отличие от стандартного "колокола" Гаусса (последнее бы означало, что корреляция равна нулю).

Рисунок 1 (Figure 1)

Двумерное стандартное нормальное распределение (корреляция r = 0,8; слева – без взятия дифференциала, в центре – взятие дифференциала по X от -∞ до 0; справа – взятие дифференциала по X и Y от -∞ до 0)[3]

Standard Bivariate Normal Distribution (correlation r=0,8; left, no differentiation; center, differentiated along the X axis from -∞ to 0; right, differentiated along the X and Y axes from -∞ to 0)



Так как за партию *А* проголосовала половина всех избирателей, то кумулятивно[4] мы берем ровно половину имеющейся фигуры в проекции по оси *x* (*в центре*). Аналогичным образом поступаем с голосованием по округу – оси *y* (*справа*). Доля объема полученной фигуры от электората партии, изображенного в центре рис. 1, составляет 79,8%. Это и есть оценка партийной приверженности для рассматриваемой партии – вероятности голосования и за партию по спискам, и за ее кандидата в одномандатном округе с учетом отмеченных агрегированных параметров.

Имеющиеся опросные исследования дают нам возможность оценить валидность предлагаемой статистической оценки раздельного голосования, опираясь на ответы электората "Единой России" (в отношении прочих партий это не представляется возможным в силу статистически низкой

[3] Построение графиков осуществлено с помощью *Statistics Online Computational Resource (University of California, Los Angeles)*. http://socr.ucla.edu/htmls/HTML5/BivariateNormal/ (accessed 10.04.2021).

[4] Поверхность фигуры образуют кумулятивные функции стандартного нормального распределения (не путать с функцией плотности вероятности).

частотности ответов). В табл. 1 представлены оценки "перетоков" электората от "партии власти" к ее кандидатам, выдвинутым на парламентских выборах 2016 г. Дополнительно смоделирована партийная приверженность избирателей "Единой России" в рамках сравнения с голосованием за В.В. Путина и Д.А. Медведева на президентских выборах в электоральных циклах 2007-2008 и 2011-2012 гг. соответственно.

Таблица 1 (Table 1)

Партийная приверженность электората "Единой России" на федеральных выборах

United Russia's electorates partisanship at federal elections

Партия-кандидат	Опрос[5]	Оценка по Томсену, пробит
"Единая Россия", 2016	86,9 (±3,3)	85,5 [83,5-87,0]
"Единая Россия" – В.В. Путин, 2011-2012	90,1 (±2,8)	93,5 [89,6-96,3]
"Единая Россия" – Д.А. Медведев, 2007-2008	89,8 (±2,5)	91,1 [87,5-94,0]

Примечание. В круглых скобках указана статистическая погрешность (из расчета размеров подвыборки и указанного процента ответов), в квадратных – 95-процентный доверительный интервал. Данные по Чеченской республике исключены из анализа.

Статистическое моделирование дает достаточно близкие социологическому опросу оценки. В случае думской кампании 2016 г. и электорального цикла 2007-2008 гг. пробит-спецификация оценки по Томсену попадает в пределы статистической погрешности проведенных опросов. Что касается сравнения федеральных парламентских и президентских выборов 2011-2012 гг., то здесь наоборот: опрос соотносится с 95-процентным доверительным интервалом статистической оценки.

Все это в целом позволяет рассматривать предлагаемый метод в качестве валидного для моделирования раздельного голосования в российских условиях. Полученные расчеты показывают, что уровень партийной приверженности на выборах в Государственную Думу 2016 г. дифференцируется в зависимости от статуса, "возраста" и политической роли партий в рамках избирательной кампании (см. табл. 2). "Единая Россия" как доминирующая партия демонстрирует высокий показатель приверженности электората – 82,4%. Партии парламентской оппозиции характеризуются средней партийной приверженностью, причем ЛДПР сравнительно меньшей (примерно на 10 п.п. на контрасте с КРПФ и "Справедливой Россией"), что может объясняться специфическим стилем лидерства и довольно слабым пулом кандидатов. К этим партиям примыкает "Яблоко" (53,1%) как опытный игрок, имеющий пусть и небольшой, но достаточно надежный в плане поддержки электорат. В отношении прочих непарламентских партий можно заключить, что их "ядерный" электорат еще практически не сформирован. Наиболее наглядно это проявляется в отношении явных партий-"спойлеров", таких как "Коммунисты России" и "Гражданская сила", приверженность электората которых составляет всего 20,8% и 8,8% соответственно.

[5] Расчеты проведены на основе результатов опросов "Курьер" Левада-Центра (юридическое лицо, признанное выполняющим функции иностранного агента): 2016-2014, 2012-2005 и 2008-2014. http://sophist.hse.ru/db/oprosy.shtml?ts=l72&en=0 (accessed 11.04.2021). Варианты ответов "не знаю, кем был выдвинут кандидат, за которого я проголосовал(а)", "не помню / не хочу отвечать" исключены из анализа.

Обратная тенденция прослеживается для “стороннего электората” кандидатов в одномандатных округах, т.е. голосов, полученных от избирателей других партий. Электорат кандидатов непарламентских партий практически полностью (не менее 80%) состоит из голосов избирателей, которые приняли решение о раздельном голосовании. Исключение здесь опять же представляет партия “Яблоко” (73,4%). Для парламентской оппозиции рассматриваемый показатель находится в интервале 44-65%, и только для кандидатов “Единой России” удельный вес “стороннего электората” равен 17,4%.

Таблица 2 (Table 2)

Партийная приверженность, 2016, %

Partisanship, 2016, %

Партии и кандидаты	**Партийная приверженность***	**“Сторонний электорат” кандидата,** *среднее по округам*	**Концентрация “стороннего электората”,** *от действительных бюллетеней (среднее по округам)*	**Концентрация “стороннего электората”,** *от разделных голосов (среднее по округам)*
“Единая Россия”	82,4	17,4	8,4	22,4
КПРФ	52,8	46,2	6,4	16,0
ЛДПР	43,7	44,3	4,7	11,6
“Справедливая Россия”	53,1	65,8	6,9	16,2
“Коммунисты России”	20,8	88,3	3,4	9,0
“Яблоко”	50,3	73,4	2,8	6,9
“Родина”	30,8	83,9	3,1	7,2
“Партия роста”	34,5	84,9	3,4	7,7
“Зеленые”	19,2	92,6	2,5	6,0
ПАРНАС	30,4	87,4	2,1	5,3
“Патриоты России”	36,8	94,3	0,3	0,8
“Гражданская платформа”	19,9	97,6	2,3	4,6
“Гражданская сила”	8,8	98,3	1,3	2,9

Примечание. Оценки получены с помощью пробит-спецификации метода Томсена [Park 2008].
* Показатель рассчитан как интегральная оценка: средневзвешенная доля проголосовавших за партию в округах, где соответствующая партия выдвигала кандидатов. Для этого были использованы оценки партийной приверженности по отдельным избирательным округам, а не по стране в целом, что обуславливает некоторое расхождение значений с табл. 1.

Данные по концентрации “стороннего электората”, представленные в третьем и четвертом столбцах табл. 2, указывают на высокий уровень его дисперсии между кандидатами различных партий с небольшим ростом в сторону парламентских. Да, кандидаты “Единой России”, несмотря на то что они выступили в среднем хуже своей партии, все же продемонстрировали способность притягивать голоса от других участников. В то же время рассматриваемые показатели различаются незначительно, что уже на этапе описательного анализа позволяет еще раз усомниться в возможности систематиче-

ского проявления стратегического голосования, которое должно приводить к значительной концентрации раздельных голосов вокруг основных игроков. Тем не менее каждый избирательный округ характеризуется своим раскладом сил, поэтому агрегированные по партиям данные могут не отражать детально специфику конкуренции и электорального поведения в мажоритарных округах, что диктует необходимость более детального анализа (о чем речь пойдет ниже).

ДИЗАЙН ИССЛЕДОВАНИЯ

Проверить гипотезы предлагается с помощью множественного регрессионного анализа (МНК-оценки). Единицей анализа в нашем случае выступает одномандатный избирательный округ. Это дает возможность значительно увеличить количество наблюдений в сравнении, например, с исследованиями регионов. С другой стороны, в качестве ограничения здесь выступает отсутствие возможности привлекать данные официальной статистики, в частности о социально-экономическом развитии соответствующих территорий, что потенциально возможно было бы рассматривать в качестве источника для контрольных переменных. Опыт изучения научной литературы показывает, что структура политической конкуренции и характеристики кандидатов в округе в первую очередь имеют значение в рамках раздельного голосования.

Оценки раздельного голосования в одномандатных округах получены на основе электоральных результатов по участковым избирательным комиссиям.

Статистическая проверка гипотезы 1 о стратегическом голосовании предполагает изучение того, существует ли положительная связь между плотностью конкуренции двух ведущих кандидатов и совокупной долей раздельных голосов электората партий, чьи кандидаты в соответствующих округах заняли третье место и ниже (последнее используется как зависимая переменная). В первом же случае (независимая переменная) возможно использовать индекс, опираясь на подход Г. Кокса к измерению степени выраженности конкуренции двух основных игроков [Cox 1997]. В отличие от многих прочих подходов, здесь акцент делается не на "резерве победы" как разнице результата победителя и кандидата, занявшего второе место, а на отношении результатов второго и третьего мест (*SF-ratio*[6]). Однако если в случае демократических стран подобный подход вполне релевантен в силу нечасто встречающихся неконкурентных сценариев, то для российского случая индекс Кокса требует некоторой доработки:

$$КДК = (1 - C_3 / C_2) \times (C_2 / C_1) \quad (5),$$

где КДК – индекс конкуренции двух (ведущих) кандидатов, C_i – доля голосов кандидата, занявшего *i*-е место по результатам голосования в округе.

Индекс варьируется в интервале от 0 до 1, где значения, близкие единице, отражают ситуацию тесной конкуренции двух основных кандидатов, в то время как результат участника, занявшего третье место, значительно уступает первым двум.

В качестве контрольных были выбраны дамми-переменные, связанные со статусом действующего депутата Госдумы ("инкумбент"), следуя аргументу Р. Мозера и Э. Шейнера о том, что даже явно выраженная конкуренция

[6] В терминах автора подхода *"second-first ratio"* означает отношение результатов "второго проигравшего" (третье место) к результатам "первого проигравшего" (второе место).

между двумя кандидатами может быть следствием их персональных качеств и статусного преимущества [Moser, Scheiner 2005]. Если кандидат, занявший первое место, был действующим депутатом, такое значение переменной кодировалось как "1", "0" – во всех других случаях. Аналогично поступали и с кандидатом, занявшим второе место. Среди контрольных переменных также задействован индекс эффективного числа кандидатов Лааксо – Таагеперы (ЭЧК), значимость которого должна указывать на важность конкурентной структуры как таковой, а не на стратегию избирателя повлиять на исход голосования в системе "победитель получает все". В данном случае имеет место допущение, что чем более разнообразно предложение, тем более диверсифицирован спрос, а индекс ЭЧК может указывать на популярность кандидатов как отражение их персональных качеств (особенно в случае, если тестируемая независимая переменная незначима).

Из числа наблюдений были исключены округа, где "Единая Россия" не выдвигала своих кандидатов.

Вторая гипотеза о персонифицированном раздельном голосовании будет протестирована на примере кандидатов от федеральных парламентских партий. Такой фокус анализа обусловлен исключительной сложностью измерения персональных качеств всех без исключения кандидатов, поэтому необходимо обратиться к индикаторам, которые хорошо зарекомендовали себя в научной литературе (о чем будет сказано ниже), но применимы в основном для ведущих партий.

Зависимая переменная в рамках тестирования второй гипотезы – доля раздельных голосов, полученных кандидатом от политической партии ("Единой России", КПРФ, ЛДПР или "Справедливой России" для соответствующих моделей). Показатель представлен в процентах от действительных голосов в округе.

Независимые переменные: а) "резерв победы" – разница поддержки кандидатов, занявших первое и второе места, %; б) статус действующего депутата Госдумы – дамми-переменная "инкумбент"; в) "парламентский опыт" – количество созывов Госдумы, в которых рассматриваемый кандидат был депутатом; г) "электоральный опыт в округе" (дамми-переменная) – наличие опыта участия в мажоритарных выборах в рамках рассматриваемой территории на федеральных, региональных или муниципальных выборах. В последнем случае учитываются только выборы глав муниципальных образований "второго уровня" – муниципальных районов и городских округов. Измерение данной переменной связано с чрезвычайной трудоемкостью оценивания того, насколько границы округов, где ранее баллотировался тот или иной кандидат, совпадают с границами окружных избирательных комиссий (ОИК) на выборах в Госдуму VII созыва, поэтому было решено, что переменная принимает значение "1" даже в случае минимального пересечения. Это обуславливает возможные погрешности в измерении.

Исследования показывают, что при наличии стратегического голосования существует отрицательная связь между "резервом победы" и раздельными голосами, полученными победителем в округе (или кандидатом, занявшим второе место). И в то же время, наоборот, положительная связь представляет собой признак персонифицированного голосования.

Переменная "в" используется только при моделировании раздельного голосования в пользу кандидатов "Единой России", так как для канди-

датов от парламентской оппозиции опыт работы в двух и более созывах Государственной Думы встречается редко.

В качестве контрольных переменных используются такие показатели, как число кандидатов, баллотирующихся в округе ("число кандидатов"); доля электората политических партий, кандидаты от которых не приняли участие в выборах в соответствующем округе по тем или иным причинам, % ("электорат без кандидата"); дамми-переменная "республика". Что касается числа кандидатов, то такая переменная способна оценить общую дисперсию голосования как отражение формальной конкуренции. Если электоральные индексы вроде ЭЧК или "резерва победы" способны отражать уровень конкуренции как опыта и популярности кандидатов, то в случае простого числа участников возможно проконтролировать влияние списка фамилий как такового.

Переменная "электорат без кандидата" используется для учета электоральной стратегии избирателей, поставленных в условия "вынужденного" раздельного голосования. В логике Б. Бёрдена предполагается, что бóльшая часть таких избирателей будет ориентироваться на наиболее перспективного кандидата [Burden 2009]. Как уже было отмечено в ходе обзора литературы, такая стратегия не отражает в полной мере ни стратегическое, ни персонифицированное голосование.

Дамми-переменная "республика" задействована как прокси высокой поддержки "Единой России". Включение же процента голосов за "партию власти" в регрессионные модели в один ряд с индексом "резерва победы" влечет за собой мультиколлинеарность. "Республика" же, в свою очередь, лишена этого недостатка, при этом также способна указывать на то, что экстремально высокое лояльное голосование (присущее большей части республик) минимизирует долю даже потенциальных раздельных голосов.

Из числа наблюдений были исключены округа, где "Единая Россия" не выдвигала своих кандидатов (19 округов), а также выбросы (в данном случае – экстремально высокие значения) для зависимых переменных для преодоления проблемы гетероскедастичности.

Для "Единой России" построено две модели из-за наличия статистической связи между переменными "инкумбент" и "парламентский опыт".

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА

Результаты регрессионного анализа (см. табл. 3) показывают, что гипотезу о стратегическом голосовании можно отвергнуть, так как влияние степени выраженности конкуренции между двумя лидирующими кандидатами оказалось незначимым. В противовес этому не оставляет сомнений важность фактора фрагментированности конкурентного поля, измеренного посредством индекса Лааксо – Таагеперы. В данном случае чем больше сильных кандидатов борются за мандат, тем выше стимулы к раздельному голосованию. Такая закономерность в корне противоречит логике стратегического голосования, так как рост конкуренции между несколькими кандидатами означает снижение числа бесперспективных кандидатов, поддержка которых вела бы к трате голосов впустую. В определенных пределах связь здесь может иметь отрицательный знак для соответствия гипотезе о стратегическом голосовании, но никак не положительный.

Контрольные переменные, отражающие статус действующего депутата для кандидатов, занявших первое и второе места, оказались незначимыми. Однако

это не означает, что персонифицированное голосование также не имело места. Во-первых, персональные качества, влияющие на электоральный выбор, могут значительно варьироваться и быть измеренными с помощью других показателей. Подобная попытка, выходящая за рамки превалирующего в научной литературе подхода к измерению персональных качеств, будет предпринята в рамках тестирования второй гипотезы. Во-вторых, зависимая переменная здесь наиболее релевантна для тестирования именно стратегического, а не персонифицированного голосования. В последнем же случае целесообразнее использовать показатели по кандидатам от соответствующих партий, а не к обобщающим индексам.

Таблица 3 (Table 3)

Проверка гипотезы о стратегическом голосовании

Testing the hypothesis of strategic voting

Переменная	Модель
Конкуренция двух кандидатов (индекс)	0,476 (,284)
Инкумбент – победитель	0,077 (,703)
Инкумбент – второе место	0,329 (,831)
ЭЧК	**4,14*** ** (,293)
Константа	**5,19*** ** (1.52)
Коэффициент детерминации	0,539
Число наблюдений	206

Примечание. Зависимая переменная – доля раздельных голосов избирателей партий, кандидаты которых заняли в округе третье место и ниже (%). Индекс КДК подвергся процедуре логит-преобразования; *** – коэффициент значим на уровне 0,001.

Переходя к тестированию гипотезы о персонифицированном раздельном голосовании (вторая гипотеза), рассмотрим результаты статистического моделирования факторов, влияющих на получение раздельных голосов кандидатами от парламентских партий (см. табл. 4).

В отношении всей “парламентской четверки” следует сделать вывод, что персонифицированное голосование играет важную роль и может быть выражено рядом факторов, но влияющих по большей части по-разному в отношении кандидатов каждой отдельной партии.

Первая независимая переменная – “резерв победы” – оказалась значимой во всех случаях, лишь с той разницей, что в отношении кандидатов “Единой России” влияние положительное, а для парламентской оппозиции – отрицательное. Подобный результат следует рассматривать как взаимосвязанное целое, в частности, чем более популярный и сильный кандидат от “партии власти” баллотируется в округе, тем больше электората других партий он привлекает. Отрицательный же коэффициент для кандидатов КПРФ, ЛДПР и “Справедливой России” – во многом отражение, обратная сторона этой связи.

“Резерв победы” дает убедительный, но обобщенный аргумент в пользу второй гипотезы. Ответ на вопрос, какие именно качества кандидатов влияют на приток стороннего электората, можно получить, рассмотрев другие независимые переменные. В отношении фактора инкумбента получены смешанные результаты: позитивное влияние наблюдается в отношении кандидатов КПРФ

и “Справедливой России”, но не “Единой России” и ЛДПР. Возможное объяснение следует искать в кадровой политике партий. ЛДПР в целом, как это видно из табл. 4, в наименьшей степени удалось капитализировать эффект персонифицированного раздельного голосования, на что указывают коэффициенты регрессии. Партия все еще испытывает дефицит ярких лидеров, чего нельзя сказать о “Единой России”, которая на рассматриваемых выборах сделала ставку на серьезное обновление пула кандидатов: привлечение медийных персон, видных представителей региональной политической элиты. И результаты регрессионного анализа в том числе могут указывать на эффективность подобной кадровой политики, когда полученный пул кандидатов оказался в достаточной мере сбалансированным.

Таблица 4 (Table 4)

Факторы раздельного голосования в пользу кандидатов парламентских партий
Factors of split-ticket voting for parliamentary parties' candidates

Переменная	Модель 1 (ЕР)	Модель 2 (ЕР)	Модель 3 (КПРФ)	Модель 4 (ЛДПР)	Модель 5 (СР)
Резерв победы	**0,044*** (0,016)	**0,040*** (0,016)	**-0,080***** (0,011)	**-0,025***** (0,007)	**-0,063***** (0,015)
Инкумбент	0,853 (0,458)		**0,818**** (0,387)	0,166 (0,428)	**3,27***** (0,648)
Парламентский опыт		**0,440*** (0,206)			
Электоральный опыт в округе	**1,39***** (0,436)	**1,22**** (0,439)	**0,942**** (0,317)	**0,491*** (0,207)	0,526 (430)
Число кандидатов	0,202 (0,154)	0,182 (0,153)	-0,306** (0,103)	-0,237 (0,068)	**-0,374**** (0,138)
Электорат без кандидата	**0,647***** (0,114)	**0,618***** (0,112)	-0,053 (0,075)	0,012 (0,046)	0,085 (0,096)
Республика	**-2,20***** (0,631)	**-2,26***** (0,630)	0,828 (0,458)	**-1,15***** (0,302)	0,212 (0,608)
Константа	1,08 (2,08)	1,63 (2,05)	**10,7***** (1,31)	**6,98***** (0,878)	**10,2***** (1,83)
Коэффициент детерминации	0,262	0,266	0,288	0,230	0,289
Число наблюдений	197	197	200	199	200

Примечание. Зависимая переменная – “сторонний электорат” кандидата, % от действительных голосов в округе; * – коэффициент значим на уровне 0,05; ** – коэффициент значим на уровне 0,01; *** – коэффициент значим на уровне 0,001.

Однако как медийные персоны, так и представители региональной бюрократии не могут похвастаться ни серьезным парламентским опытом, ни навыками участия в избирательных кампаниях по мажоритарной системе. Опытные политики (и парламентарии-“тяжеловесы”, и с опытом борьбы в округах), как показывают результаты статистического моделирования, действительно имеют преимущество с точки зрения привлечения раздельных голосов, что может быть следствием более высокого потенциала в привлечении ресурсов, широких навыков работы с избирателями и опыта политической борьбы.

Еще одной находкой стало голосование избирателей тех партий, кандидаты которых по разным причинам не приняли участия в избирательной кампании

в соответствующем округе. Такой "электорат без кандидата", в соответствии с имеющейся теорией, как правило, консолидировался вокруг наиболее перспективных кандидатов, т.е. кандидатов от "Единой России". Это согласуется в том числе и с тем фактом, что бóльшая часть непарламентских партий культивирует системные взгляды, вплоть до открытой поддержки проводимого в стране курса.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ И ВЫБОРЫ 2021 ГОДА

Полученные результаты позволяют согласиться с выводами исследователей, включавших российский кейс в фокус анализа раздельного голосования как пример партийных систем, все еще находящихся на пути к высокоинституционализированным. Если в середине 1990-х годов, по оценкам А. Макаллистера и С. Уайта, раздельно голосовал каждый четвертый избиратель, то к началу 2020-х годов ситуация значительно не изменилась. Высокую партийную приверженность демонстрируют только избиратели "Единой России", что можно рассматривать как своеобразный результат функционирования партийной системы с доминантной партией. В тех регионах и округах, где "партия власти" сталкивается с серьезной конкуренцией, электорат становится более "подвижным" в поисках альтернативы в рамках смешанной системы голосования.

Что касается непосредственно драйверов раздельного голосования, то удалось зафиксировать ряд значимых переменных, отражающих (рациональные) мотивы, связанные с персональными качествами кандидатов. И если зарубежные исследователи уделяют основное внимание инкумбентам, способным использовать свое статусное преимущество в рамках привлечения голосов, то в случае России статус действующего депутата проявил себя не столь однозначно. Представляется, что это может отражать весьма условное маркирование таких участников избирательных кампаний как собственно инкумбентов, так как, строго говоря, на предшествующих выборах (т.е. в 2011 г.) все они избирались по спискам, а не по округам. Поэтому вполне закономерно, что учет парламентского и электорального опыта в оценке возможностей консолидации раздельных голосов оказался даже более важен, что в целом расширяет понимание электорального поведения в рамках смешанных избирательных систем.

При этом остается вопрос об устойчивости полученных результатов в рамках эволюции паттернов голосования, ведь данное исследование было проведено до выборов в новый VIII созыв Государственной Думы. Это определяет необходимость общего предварительного сравнения двух электоральных циклов.

В целом можно заключить, что, несмотря на преодоление 5-процентного барьера партией "Новые люди", а также общий рост электоральной конкуренции, базовая структура голосования в рамках смешанной избирательной системы не претерпела коренных изменений. Другими словами, персонифицированные факторы раздельного голосования, скорее всего, не утратили своего значения, в то время как "стратегическое голосование" не стало определяющим.

В пользу данной гипотезы может быть приведен следующий базовый аргумент. На выборах как в VII, так и в VIII созыв результаты голосования в одномандатных округах оказались более фрагментированными в сравнении со списочной частью. В обоих случаях индекс Лааксо – Таагеперы для округов в среднем превышает аналогичный показатель для партийных списков (в раз-

резе тех же ОИК) на 0,3 пункта. Стратегическое голосование должно вести к консолидации голосов, а не к их распылению пропорционально партийным предпочтениям.

Аналогичный вывод следует и при сравнении индексов конкуренции двух ведущих кандидатов. По результатам выборов 2021 г. количество округов с отчетливо выраженной консолидацией голосов вокруг двух участников избирательной гонки (например, при КДК > 0,5), хотя и оказалось в два раза выше, чем в 2016 г., но остается все еще незначительным – 16 кейсов.

На выборах в VIII созыв Государственной Думы все так же в подавляющем числе случаев исход голосования оказался в пользу провластных участников. Да, в среднем отрыв победителей от их ближайших преследователей несколько сократился: среднее значение индекса "резерв победы" на последних выборах оказалось равным 27,1, т.е. на 6,5 пункта ниже, чем 2016 г. В то же время это не позволяет отрицать сохранение доминирующих позиций кандидатов от "Единой России".

Проблема "стратегической координации" еще полноценно не решена, ведь даже в условиях невысоких рейтингов провластных кандидатов оппозиция в большинстве случаев неспособна консолидировать колеблющихся избирателей. Представляется, что дальнейшие исследования раздельного голосования позволят углубить понимание рассматриваемых процессов.

DOI: 10.17976/jpps/2023.03.09

SPLIT-TICKET VOTING IN THE FEDERAL LEGISLATIVE ELECTIONS: EVIDENCE FROM THE 7TH CONVOCATION OF THE STATE DUMA

Yu.O. Gaivoronsky[1]

[1]*HSE University. Moscow, Russia*

GAIVORONSKY, Yury Olegovich, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Associate Professor, School of Politics and Governance, HSE University, email: guyvoronskiy@hse.ru

Gaivoronsky, Yu.O. (2023). Split-ticket voting in the federal legislative elections: evidence from the 7th convocation of the State Duma. *Polis. Political Studies*, 3, 114-131. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2023.03.09

Received: 27.05.2021. Accepted: 26.12.2021

Abstract. The article is devoted to split-ticket voting in the 2016 State Duma elections. After the re-introducing of the mixed electoral system, voting for both the list of the party A and a candidate nominated by the party B appears to be popular among the electorates. This fact contradicts the conventional wisdom that institutionalized party systems produce a comparatively small number of split tickets. In this regard, strategic and personal voting hypotheses have been tested to explain the abovementioned election results. Park's version of Thomsen's ecological estimator of partisanship has been applied to the case of the federal parliamentary elections in Russia. The lower the partisanship the higher the chances that split-ticket voting will take place. The study has revealed that opposition parties registered after the 2012 party reform have not formed so-called "core" electorates yet. More institutionalized opposition parliamentary parties accompanied by *Yabloko* have shown the average levels of partisanship. In contrast, only the voters of the party United Russia do not tend to split their tickets. Nevertheless, the party's ticket splitters make up a significant fraction of the total. As for the hypotheses, the analysis has revealed that the split-ticketing in SMDs is driven by the personal qualities of candidates rather than strategic calculations. The personal vote can be considered as being related to rational expectations of effective representation in this sense. Among such qualities, political experience manifested in professional and electoral dimensions has been the most significant.

Keywords: split-ticket voting, mixed-member proportional representation, Russia, State Duma, political parties, elections.

References

Bawn, K. (1999). Voter responses to electoral complexity: ticket splitting, rational voters and representation in the Federal Republic of Germany. *British Journal of Political Science*, 29(3), 487-505. https://doi.org/10.1017/S0007123499000228

Bochsler, D. (2015). Bending the rules: electoral strategies under mixed electoral systems. *Representation*, 51(2), 261-267. https://doi.org/10.1080/00344893.2015.1064223

Burden, B.C. (2009). Candidate-driven ticket splitting in the 2000 Japanese elections. *Electoral Studies*, 28(2), 33-40. https://doi.org/10.1016/j.electstud.2008.06.007

Cox, G.W. (1997). Making votes count: strategic coordination in the world's electoral systems. Cambridge: Cambridge University Press.

Duverger, M. (1954). Political parties: their organization and activity in the modern state. Methuen: Wiley.

Goodman, L. (1959). Some alternatives to ecological correlation. *American Journal of Sociology*, 64, 610-625.

Grofman, B., Blais, A., & Bowler, S. (Ed.). (2009). Duverger's law of plurality voting. The logic of party competition in Canada, India, the United Kingdom, and the United States. New York, NY: Springer.

Gschwend, T., Johnston, R., & Pattie, C. (2003). Split-ticket patterns in mixed-member proportional election systems: estimates and analyses of their spatial variation at the German Federal Election, 1998. *British Journal of Political Science*, 33(1), 109-127. https://doi.org/10.1017/S000712340300005X

Herrmann, M., & Pappi, F.U. (2008). Strategic voting in German constituencies. *Electoral Studies,* 27(2), 228-244. https://doi.org/10.1016/j.electstud.2007.10.007

Jesse, E. (1988). Split-voting in the Federal Republic of Germany: analysis of the federal elections from 1953 to 1987. *Electoral Studies*, 7(2), 109-124. https://doi.org/10.1016/0261-3794(88)90026-1

Karp, J.A. (2009). Candidate effects and spill-over in mixed systems: evidence from New Zealand. *Electoral Studies*, 28(1), 41-50. https://doi.org/10.1016/j.electstud.2008.06.012

Karp, J.A., Vowles, J., Banducci, S.A., & Donovan, T. (2002). Strategic voting, party activity, and candidate effects: testing explanations for split voting in New Zealand's new mixed system. *Electoral Studies.* Vol. 21(1), 1-22. https://doi.org/10.1016/S0261-3794(00)00031-7

King, G., Rosen, O., & Tanner, M. (2004). Ecological inference: new methodological strategies. analytical methods for social research. Cambridge: Cambridge University Press.

McAllister, I., & White, S. (2000). Split-ticket voting in the 1995 Russian Duma elections. *Electoral Studies*, 19(4), 563-576. https://doi.org/10.1016/S0261-3794(99)00031-1

Moser, R., & Scheiner, E. (2005). Strategic ticket splitting and the personal vote in mixed-member electoral systems. *Legislative Study Quarterly*, 30(2), 259-276. https://doi.org/10.3162/036298005X201545

Moser, R.G., & Sheiner, E. (2009). Strategic voting in established and new democracies: ticket splitting in mixed-member electoral systems. *Electoral Studies*, 28(1), 51-61. https://doi.org/10.1016/j.electstud.2008.06.011

Park, W.-H. (2008). Ecological inference and aggregate analysis of elections. Ph.D. Thesis. The University of Michigan.

Park, W.-H., Hanmer, M.J., & Biggers, D.R. (2014). Ecological inference under unfavorable conditions: straight and split-ticket voting in diverse settings and small samples. *Electoral Studies*, 36, 192-203. https://doi.org/10.1016/j.electstud.2014.08.006

Schoen, H. (1999). Split-ticket voting in German federal elections, 1953-90: an example of sophisticated balloting? *Electoral Studies,* 18(4), 473-496. https://doi.org/10.1016/S0261-3794(99)00023-2

Shugart, M., & Wattenberg, M.P. (Ed.). (2001). Mixed-member electoral systems. The best of both worlds? New York, NY: Oxford University Press.

Singer, M.M. (2012). Was Duverger correct? Single-member district election outcomes in fifty-three countries. *British Journal of Political Science*, 43(1), 201-220. https://doi.org/10.1017/S0007123412000233

Thomsen, S. (1987). Danish elections 1920–79: a logit approach to ecological analysis and inference. Arhus: Politica.

Turovsky, R. (2018). Institutionalization versus personalization: electoral effects of the mixed-member electoral system in Russia. *European Politics and Society*, 19(5), 595-622. https://doi.org/10.1080/23745118.2018.1492197

Turovsky, R. (2018). Presidential elections in Russia: opportunities and limits of electoral consolidation. *Politeia*, 2, 23-50. (In Russ.) https://doi.org/10.30570/2078-5089-2018-89-2-23-50

Литература на русском языке

Туровский Р.Ф. 2018. Президентские выборы в России: возможности и пределы электоральной консолидации. *Полития*. № 2. С. 23-50. https://doi.org/10.30570/2078-5089-2018-89-2-23-50. EDN: YNMZHV.